

В. А. Плунгян

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Вводные замечания: предыстория

Настоящий сборник является совместной публикацией Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) и проблемной группы по теории грамматики при Институте языкознания РАН (Москва); он издается одновременно как очередной том «Трудов ИЛИ РАН» и как шестой выпуск серии «Исследования по теории грамматики»¹. Такое соединение не случайно: оно отражает давно сложившееся тесное сотрудничество московских и петербургских типологов, как идейное, так и организационное.

Непосредственно выходу данного сборника предшествовало несколько подготовительных мероприятий. В 2009–2010 учебном году на Отделении теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова действовал семинар по актуальной типологии, на заседаниях которого обсуждались общие принципы типологического подхода к категории аспекта и проблемы описания аспектуальных систем различных языков мира (преимущественно таких, аспектуальное поведение которых почти или вовсе не было ранее объектом типологических исследований). Семинаром руководили М. А. Даниэль и В. А. Плунгян; в работе семинара принимали самое активное участие многие авторы настоящего сборника — в том числе Т. А. Архангельский, О. И. Беляев, И. А. Виноградов, О. С. Волков, В. Ю. Гусев, С. В. Малышев, В. А. Панов, Д. А. Рыжова — а также М. Ю. Десятова,

---

¹ Предыдущие выпуски серии: «Исследования по теории грамматики, вып. 1: Глагольные категории» (М.: Русские словари, 2001); «Исследования по теории грамматики, вып. 2: Грамматикализация пространственных значений» (М.: Русские словари, 2002); «Исследования по теории грамматики, вып. 3: Ирреалис и ирреальность» (М.: Гнозис, 2004); «Исследования по теории грамматики, вып. 4: Грамматические категории в дискурсе» (М.: Гнозис, 2008) и «Исследования по теории грамматики, вып. 5: Объектный генитив при отрицании в русском языке» (М.: Пробел, 2008).

К. М. Корчагин, М. В. Кюсева, Кс. П. Семёнова, и ряд других. В качестве предварительного итога этих обсуждений было решено провести рабочее совещание по аспектуальной типологии. Программа совещания, первоначально рассчитанная на один день, в конце концов заняла три полных дня, и совещание, организованное совместно ИЛИ РАН и Проблемной группой по теории грамматики при ИЯз РАН, состоялось в Санкт-Петербурге 16–18 сентября 2010 г. Петербургская типология была представлена на нем докладами Н. Н. Казанского, Д. В. Герасимова, Е. В. Головки, Е. Ю. Груздевой (Хельсинки), А. М. Певнова, Е. В. Перехвальской, М. Ю. Пупыниной, А. Ю. Русакова; из московских авторов, помимо большинства из уже названных участников семинара, присутствовали также П. М. Аркадьев и А. Ю. Урманчиева. Не все доклады, к сожалению, удалось включить в настоящий сборник; однако в сборник дополнительно вошли специально для него написанные статьи В. Ф. Выдрина (Париж), Е. В. Горбовой (Санкт-Петербург), Т. А. Майсака (Москва), А. А. Ростовцева-Попеля (Франкфурт), Н. В. Сердобольской, Н. М. Стойновой, А. Б. Шлуинского (все — Москва) и А. В. Эрман (Санкт-Петербург).

Таким образом, появление сборника — результат длительных усилий и взаимодействия большого коллектива исследователей из разных городов и даже стран. Редколлегия благодарна всем авторам статей за эффективное сотрудничество (почти все авторы представили по нескольку вариантов, зачастую внося по просьбе редакторов существенные изменения). И авторы, и редакторы сборника также хотели бы выразить глубокую признательность Н. Н. Казанскому, при поддержке которого стала возможной публикация этого сборника в качестве Трудов ИЛИ РАН. На всем протяжении работы над сборником неоценимую техническую и организационную помощь оказывал В. Ю. Гусев, которым выполнен и оригинал-макет издания, а также Н. М. Заика.

Как следует из сказанного, в центре внимания авторов всех статей сборника — грамматическая категория аспекта, или глагольного вида. Читатель не найдет здесь единой теории вида, которой бы следовали все включенные в сборник работы (равно как и пространного обсуждения аспектологических проблем, связанных с созданием такой теории — пожалуй, самого распространенного жанра современных аспектологических работ). Нам представля-

лось более плодотворным на настоящем этапе сосредоточиться на описании фактов, не стремясь к насильственной унификации инструментов такого описания. Сказанное не означает, разумеется, что теоретические рассуждения на страницах сборника отсутствуют — просто они максимально подчинены дескриптивным задачам. Не означает сказанное и того, что в подходе к аспекту у авторов нет единства: ниже мы попытаемся кратко перечислить те существенные для современной аспектологии положения, которые в той или иной мере разделяются всеми (или подавляющим большинством) авторов, а также те выводы, которые могут быть сделаны на основе представленных в сборнике подходов к типологически ориентированному описанию аспекта; наши рассуждения опираются на идеи, более подробное изложение которых можно найти в книге [Плунгян 2011a: 376–422] и в статье [Плунгян 2011b].

2. Об универсальной категории аспекта

Существенным этапом исследований по аспектуальной типологии было понимание того, что категория аспекта, с одной стороны, является универсальной (иными словами, грамматическое выражение значений, принадлежащих к аспектуальной семантической зоне, встречается в подавляющем большинстве языков мира), но, с другой стороны, в разных языках может существенно различаться. Однако то обстоятельство, что первоначальное теоретическое осмысление понятия грамматического вида происходило в основном с опорой на материал славянских языков, наложило на ранние аспектологические работы заметный отпечаток. Долгое время было принято считать, что универсальная категория вида — это явление, которое должно быть так или иначе похоже на «славянский вид»; отсюда многочисленные утверждения (до сих пор еще иногда встречающиеся) об отсутствии «полноценной» категории вида за пределами славянского языкового пространства или об уникальности видового противопоставления в славянских языках. При таком подходе отдельные идиосинкратичные черты выражения славянского вида принимались за универсальные свойства этой категории, а аспектуально значимым явлениям в других языках присваивались расплывчатые и вводящие в заблуждения термины наподобие «способа действия», «совершаемости» или даже «грамматического времени» (как это было долгое время принято в традиции описания романских и германских языков).

В современной грамматической типологии эти заблуждения, в целом, можно считать уже преодоленными; однако полного единства по поводу устройства универсальной семантической зоны аспекта пока не наблюдается, и, более того, количество конструирующих трактовок категории аспекта в универсальном плане по-прежнему довольно велико. Наиболее распространенной при этом, по-видимому, следует считать так называемую «бинарную» трактовку, восходящую сразу к нескольким влиятельным исследованиям по аспектуальной типологии — так, один из вариантов указанного подхода был представлен уже в наиболее раннем обобщающем исследовании [Comrie 1976], а позднее сходные идеи нашли поддержку в рамках «двухкомпонентной теории вида» Карлоты Смит (см. [Smith 1991] и др.). Суть бинарной трактовки заключается в том, что грамматическая категория вида на универсальном уровне рассмотрения сводится к бинарной оппозиции двух «ракурсов» (viewpoint aspects, в терминологии К. Смит), называемых обычно «перфективным» и «имперфективным». Иными словами, аспект в качестве универсальной категории, пусть и косвенно, но в каком-то смысле все-таки уподобляется именно тому грамматическому типу, который наиболее характерен для славянских видовых систем с их бинарной оппозицией совершенного и несовершенного вида ².

---

² Мы оставляем в стороне те весьма существенные утверждения К. Смит, благодаря которым ее теория собственно и получила название «двухкомпонентной»: согласно этим утверждениям, в универсальном плане следует различать «лексический аспект» (чаще называемый в современных работах «акциональным классом предиката») и грамматический «аспектуальный ракурс», которому как раз и приписывается бинарное устройство. Не вдаваясь подробно в обсуждение проблематики акциональности, которой посвящена весьма обширная литература, заметим лишь, что отождествление акциональных характеристик с аспектом, пусть даже и «лексическим», не представляется нам удачным: такое отождествление скорее провоцирует смешение грамматических значений (являющихся элементами универсального грамматического набора) и лексических характеристик предиката (безусловно, имеющих многообразные связи с аспектом, но являющихся элементами иной природы). Примерно такая же терминологическая проблема в типологии возникла бы, если бы, например, такие семантические признаки существительных, как исчисляемость или абстрактность, стали бы называть «лексическим числом» — очевидным образом, адекватному описанию грамма-

Между тем, с универсально-типологической точки зрения бинарное устройство категории вида не кажется ни самым распространенным, ни самым центральным в аспектуальных системах. Более того, в тех языках, где представлена бинарная оппозиция, семантика соответствующих граммем обычно оказывается сложной и неоднородной, распадаясь (как и в славянских языках) на целый ряд частных видовых значений, которые в некоторых случаях могут иметь друг с другом весьма мало общего. Не случайно наиболее распространенная в ранних работах по аспектологии (но практически в неизменном виде воспроизводимая и у К. Смит) семантическая интерпретация оппозиции перфективности и имперфективности делалась в не раз критиковавшихся терминах «целостного» vs. «внутреннего» рассмотрения ситуации, сводящихся к непрозрачной и не имеющей объяснительной силы метафоре (подробнее к критике таких понятий, как «целостность», см., например, [Гловинская 1982; Klein 1994]³ и др.).

«Бинарной» трактовке категории вида (неудачной, на наш взгляд, как в качестве кандидата на типологическую универсальность, так и в связи с эксплицитной или имплицитной опорой на метафору «целостности») в типологии издавна противостоит традиция, исходящая из идеи иного устройства универсальной семантической зоны аспекта. Согласно этой «множественной» трактовке, число элементарных аспектуальных граммем, обслуживающих ту часть универсального грамматического набора, которая соотносится с аспектом, существенно больше двух, а их классификация имеет весьма сложную структуру. Наряду с этим, в конкретно-языковых аспектуальных системах мы наблюдаем, как правило, выражение нескольких универсальных значений с помощью одного полисемичного показателя (так называемое «совмещение значений», порождающее грамматические класте-

---

тической категории числа такое терминологическое решение не способствовало бы, хотя не подлежит сомнению, что исчисляемость для описания категории числа существительного является крайне важной лексической характеристикой.

³ В работе В. Клейна, в частности, обосновывается полезность такого понятия, как «окно наблюдения» («topic time») для описания аспектуальной семантики; по замыслу автора, это понятие призвано служить более эффективной альтернативой понятиям «внешнего» и «внутреннего» аспектуального ракурса.

ры, число которых, как можно полагать, не очень велико, и которые могут совпадать в разных, в том числе неродственных, языках). Но даже и конкретно-языковые системы с полисемичными аспектуальными показателями кластерного характера в большинстве случаев насчитывают более двух таких показателей, т. е. и на конкретно-языковом уровне аспектуальная бинарность вовсе не является преобладающей тенденцией. Так, типичный набор аспектуальных показателей в глагольной системе может включать, например, перфектив, дуратив, перфект и хабитуалис, что весьма непохоже на бинарную аспектуальную систему.

Идея гетерогенности аспектуальной семантической зоны и множественности базовых граммем аспекта (как в универсальном, так и в конкретно-языковом плане) имеет давнюю историю и в той или иной форме обсуждалась в таких, например, работах, как [Friedrich 1974; Coseriu 1976, 1980; Cohen 1989; Dik 1989, 1994; Мельчук 1998]; из более новых работ можно указать, в частности, [Johanson 2000] и [Tournadre 2004]. Как представляется, эта линия типологических исследований в целом более адекватно отражает типологическую специфику аспектуальных категорий и лучше учитывает действительное многообразие аспектуальных систем в языках мира.

В рамках такого подхода отметим некоторые терминологические инструменты, полезные, на наш взгляд, для описания универсальной семантической зоны аспекта. К ним прежде всего относятся: на *универсально-типологическом* уровне — различение граммем «первичного» (или «линейного») и «вторичного» аспекта, а на *конкретно-языковом* уровне — классификация полисемичных «аспектуальных кластеров».

Для описания различных граммем *первичного аспекта* наиболее существенна позиция окна наблюдения по отношению к тому фрагменту на оси времени, который соотносится с ситуацией, обозначаемой предикатом. В рамках такого подхода противопоставляются граммемы, выражающие «вложенность» окна наблюдения в ситуацию (в зависимости от того, в какой именно фрагмент ситуации вложено окно наблюдения, выделяется *проспектив*, *инцептив*, *прогрессив* / *дуратив*, *комплетив*, *результатив*) и граммемы, выражающие «вложенность» ситуации в окно наблюдения (*пунктив* / *лимитатив*). Дополнительную роль при выборе аспектуальной граммемы играет акциональный класс

предиката: так, прогрессив соотносится с процессами, тогда как проспектив — с состояниями, срединная («интратерминальная») часть которых находится в окне наблюдения; с другой стороны, пунктив соотносится с событиями, а лимитатив — с состояниями и процессами, полностью вложенными в окно наблюдения. В других случаях акциональная интерпретация ситуаций однозначна: проспектив и результатив соотносятся с состояниями, инцептив и комплетив — с событиями.

Что касается универсальных граммем *вторичного аспекта*, то они указывают прежде всего на изменения исходного акционального класса предиката; в частности, переход динамических ситуаций в класс стативов выражается *хабитуалисом*, переход событий в класс процессов — *мультипликативом*, обратный переход процессов в события выражается *семельфактивом* (подробнее об этой группе значений см. прежде всего Храковский 1989 и 1998, Долинина 1996; синтез более новых исследований можно найти в Шлуинский 2006). Наконец, крайне важный в том числе и для славянской аспектологии, но распространенный и в глагольных системах многих других языков мира переход неопредельной ситуации в предельную выражается такой граммемой вторичного аспекта, как *трансформатив* или *ограничитель* (bounder); ср. [Brinton 1988; Bybee, Dahl 1989; Johanson 2000; Майсак 2005: 293–345].

Перечисленные выше универсальные аспектуальные граммемы редко выражаются в глагольных системах в полном составе и при этом специализированными грамматическими показателями; как уже было сказано, практически в каждом языке с грамматикализацией аспекта представлены те или иные аспектуальные кластеры, т. е. полисемичные конкретно-языковые грамматические показатели. Наиболее распространены такие кластеры, как *имперфектив* (совмещающий дуратив, прогрессив и хабитуалис), *перфектив* (совмещающий пунктив, лимитатив, инцептив и комплетив), *расширенный перфект* (совмещающий результативный перфект и элементы перфективного кластера), однако встречаются и другие комбинации, в настоящее время описанные явно недостаточно. Изучение моделей кластеризации аспектуальных значений остается, на наш взгляд, одной из наиболее актуальных задач грамматической типологии; одна из первых работ, в которой важность этой задачи была эксплицитно отмечена — известная статья [Bybee, Dahl 1989].

Используя подобный универсальный метаязык, можно несколько по-иному описать и особенности славянских видовых систем — в результате чего будет более ясно, в чем эти языки следуют универсальным тенденциям выражения вида, а в чем отступают от того, что можно было бы считать типологическим эталоном. Конечно, говорить об эталоне или норме в области грамматической типологии довольно сложно, и убедительных попыток обосновать это понятие применительно к языкам мира до сих пор, как представляется, сделано почти не было. Тем не менее, учитывая тот факт, что наличие грамматикализованных аспектуальных показателей (т. е. показателей, выражающих значения из семантической зоны аспекта) признается для глагольных систем очень большого количества языков мира практически во всех языковых ареалах (в том числе в Европе, Центральной и Южной Азии, на Кавказе, в Западной и Восточной Африке, Северной и Центральной Америке, Океании), типологический фон для оценки славянских систем получается достаточно представительным. От этого фона мы и будем отталкиваться.

Начнем с более известных *формально-грамматических* особенностей выражения вида в славянских языках. К ним относятся *бинарность* видовой оппозиции и *непарадигматический характер* категории вида.

Хорошо известная и многократно обсуждавшаяся морфологическая бинарность категории вида сводится к тому, что в формальном отношении имеется только одна оппозиция совершенного и несовершенного вида, но при этом каждая из двух граммем категории вида является в высокой степени полисемичной по отношению к значениям из универсального грамматического набора ⁴.

---

⁴ При этом в ряде случаев аспектуальные граммы, по-видимому, выражают и другие, не аспектуальные значения, что тоже не всегда осознается в аспектологических исследованиях. Однако для конкретно-языковых грамматических показателей вполне естественно совмещать значения из разных семантических зон — например, аспектуальные и модальные, аспектуальные и залоговые, и т. п. В частности, как представляется, рост так называемых общефактических употреблений несовершенного вида в восточнославянских языках (ср. [Князев 2007: 66 и след.]) можно интерпретировать и как появление у аспектуальной граммы имперфектива неаспектуальных значений, ее «деаспектуализацию».

Подчеркнем еще раз, что в языках мира такая формально редуцированная система является далеко не самой распространенной.

Вместе с тем, утверждение о формальной бинарности славянской аспектуальной оппозиции (даже применительно к восточно- и западнославянским языкам, т. е. исключая более сложные системы «болгарского типа») требует некоторых комментариев. По-видимому, более точной все же будет более осторожная характеристика бинарности аспектуальной оппозиции как преобладающей *тенденции* в славянском ареале: дело в том, что наряду с центральной бинарной оппозицией существуют и более маргинальные, но тем не менее заметные «точки роста» новых грамматических противопоставлений — или же сохраняющиеся длительное время грамматические архаизмы, увеличивающие число аспектуальных граммем.

К архаическим противопоставлениям, с которыми, тем не менее, славянские языки расстаются в разной степени неохотно, относится прежде всего специализированное морфологическое выражение хабитуалиса (или, может быть, точнее — «прекращенного хабитуалиса»), обозначающего неактуальную в настоящем ситуацию и являющегося одной из разновидностей так называемого «прекращенного прошлого», о котором см. подробнее [Плунгян 2001] и [Plungian, van der Auwera 2006]). Особый показатель хабитуального аспекта в большинстве славянских языков включился в систему выражения несовершенного вида (в рамках так называемой «вторичной имперфективации»), так как несовершенный вид представляет собой имперфективный кластер, в составе которого хабитуальность также выражается. Прекращенный хабитуалис как особая категория лучше всего сохранился в чешском (ср. известные примеры типа *Za dávných časů tam stával kostel* ‘Прежде там стояла церковь’) и в лужицком. В русском подобные формы употреблялись в литературном языке еще в XIX в. (ср. примеры типа *Я за уши его дурала, только мало* из «Горя от ума» А. С. Грибоедова) и до сих пор устойчиво сохраняются в северных диалектах [Пожарицкая 1991]. Специализированное выражение итеративного и хабитуального значений характеризует и небольшую реликтовую группу русских так называемых «моторно-кратных» глаголов типа *ходить, ползать, летать* и др. (так, выражение типа *птицы летают* допускает как актуально-итеративную интерпретацию, обозначая актуальное разнонаправленное движение, так и хабитуальную, обозначая способность пере-

мещаться по воздуху; аналогично обстоит дело и с другими лексемами этой группы). Далеко не всем славянским языкам свойствен этот лексико-грамматический архаизм (подробнее о современном состоянии исследований в области моторно-кратных глаголов см. в сборнике [Hasko, Perelmutter 2010]).

О древности хабитуальных значений свидетельствует и их распространенность в неславянских языках, входящих в западно- и восточнославянский ареал. Бросающейся в глаза параллелью являются прежде всего литовские «многократные» формы с суффиксом *-dav-* (в диалектах используются и аналитические конструкции с вспомогательными глаголами). Обращает на себя внимание также и сильно грамматикализованная хабитуальная конструкция с *fleg* в идише. Таким образом, тенденция к грамматическому выражению хабитуальности является достаточно устойчивой, хотя в диахронической перспективе использование специализированных средств ее выражения в славянских языках постепенно сходит на нет. Это, между прочим, отчасти объясняет отсутствие в славянских языках специализированных форм прогрессива даже на уровне начальных тенденций (при том, что разные стадии грамматикализации прогрессива отмечены практически для всех романских и германских языков): славянский прогрессив совмещается с хабитуалисом, «теряющим» собственные показатели.

Если специализированное выражение хабитуалиса является в славянском ареале грамматическим архаизмом, то специализированное выражение *результатива* или *перфекта*, напротив, должно быть признано грамматической инновацией, точнее, может быть, повторной инновацией (в духе «цикла Есперсена»). Наиболее древняя из засвидетельствованных славянских глагольных систем как раз содержала оппозицию перфекта и аориста, в дальнейшем в той или иной степени утраченную (меньше всего — в южнославянском ареале). Тем не менее тенденция к созданию форм «нового перфекта» в славянском ареале существует: примерами таких образований могут служить и литературный русский «объектный результатив» или «пассивный перфект» типа *дверь открыта* [Князев 2002, 2007: 497 и след.]), и — в гораздо большей степени — новый перфект северных русских диалектов типа *зять в город уехавши / у зятя в город уехано* (этим конструкциям посвящена обширная литература, в обзор которой мы не имеем возможности здесь углубляться). В противоположной об-

ласти славянского ареала данная тенденция реализована в македонском с его новым *habere*-перфектом типа *имам дојдено*, в дополнение к общеславянским моделям старого *L*-перфекта и *esse*-результатива (ср. [Fici Giusti 1995; Graves 2000]).

Таким образом, формальная бинарность аспектуальных систем славянских языков почти нигде не является ни чистой, ни абсолютной: это лишь доминирующая тенденция. Полное описание аспектуальных категорий в славянских языках не должно исключать особенностей выражения хабиитуалиса и результатива / перфекта, зачастую выходящих за рамки двувидовой модели.

Другая, крайне интригующая и запутанная проблема славянской аспектологии состоит в том, что славянский вид оказывается такой грамматической категорией, у которой нет собственного морфологического показателя. Мы разберем эту проблему на русском материале, хотя сходные утверждения (с теми или иными поправками) можно сделать и относительно других славянских языков.

Действительно, легко убедиться, что значение вида не может быть локализовано в определенной морфеме (для русского языка единственным — хотя и важным — исключением могло бы быть семельфактивное *-ну-* в глаголах типа *крикнуть*, однако своеобразная грамматическая ирония состоит в том, что у этого суффикса имеется омонимичный показатель, широко употребляемый как раз при глаголах несовершенного вида типа *мерзнуть*). Хорошо известно, что наличие — или отсутствие — таких морфем, которые в традиционных описаниях чаще всего выступают кандидатами на выражение видовых значений, т. е. глагольных префиксов и суффиксов вторичного имперфектива, само по себе не является свидетельством той или иной видовой принадлежности глагола: префиксальные глаголы, вообще говоря, могут быть несовершенного, а суффиксальные — совершенного вида. Так, лексемы типа *собирать* выражают несовершенный вид, несмотря на наличие префикса (*мы долго собирали*^{IPF} *хворост*), а лексемы типа *насобирать* ⟨много⟩ выражают совершенный вид, несмотря на наличие суффикса вторичного имперфектива (*за час мы насобирали*^{PF} *целую кучу хвороста*). Очевидно, что вид выражается не той или иной морфемой как таковой, а, так сказать, фактом присоединения этой морфемы на определенном деривационном этапе, иными словами — переходом лексемы из одной словообразовательной модели в другую. Действительно,

непроизводная основа русского глагола может быть как имперфективной (в подавляющем большинстве случаев), так и перфективной (у нескольких глаголов типа *дать* и *лечь*); далее присоединение к непроизводной основе приставки из определенного набора или семельфактивного суффикса перфективирует ее; присоединение имперфективирующего суффикса — вызывает имперфективацию, а присоединение приставки из некоторого другого набора, не полностью совпадающего с тем, который применялся на первом этапе, вызывает повторную перфективацию. Следует заметить, что в общей теории морфологии практически не описан такой тип морфологических средств. Ближе всего описанный способ выражения видов — к *конверсии* ([Мельчук 2000]; см. также [Плунгян 2000: 67–70]), однако конверсия в языках мира, как принято считать, не сопровождается аффиксацией, а характеризуется просто изменением набора грамматических признаков лексемы. По-видимому, морфологическая теория нуждается в специальном термине для обозначения такого явления; заслуживает также исследования вопрос о его уникальности: существуют ли еще в языках мира такие случаи, когда грамматическое значение некоторой категории меняется, а связанный с этим значением сегментный показатель остается в словоформе, семантически, так сказать, «зачеркиваясь»?

С указанной структурной особенностью вида тесно связана и другая, относящаяся в равной степени к плану выражения и к плану содержания: как опять-таки хорошо известно, вид не может быть без существенного насилия над материалом признан словоизменятельной категорией того же типа, что и, например, категория времени или лица. Этому препятствует отсутствие видовых парадигм, т. е. возможности разбить всю глагольную лексику языка на множество пар, таких, что внутри каждой из них глаголы будут отличаться только значением вида. Некоторое количество таких пар в славянских языках имеется (в разных языках их доля различна), однако очевидным образом очень большое количество глаголов остается вне таких видовых парадигм. Вместе с тем, вид является грамматической категорией: всякая глагольная форма принадлежит к какому-то виду, и при этом только к одному⁵. Та-

---

⁵ В случае так называемых двувидовых глаголов типа *казнить* или *организовать* представлена регулярная омонимия грамматических

кая ситуация наиболее типична для так называемых словоклассифицирующих категорий — термин, также не слишком популярный в теории грамматики, однако необходимый для описания таких категорий, как род существительных (а в русском языке, по-видимому, также и залог глагола, за счет втягивания в залоговую оппозицию возвратных форм). Действительно, в общем случае у существительных не существует родовых парадигм, хотя в отдельных точках такие парадигмы возможны (в русском это, в частности, субстантивированные прилагательные типа *чужой* ~ *чужая* ~ *чужое*, а также фамилии и топонимы типа *Иванов* ~ *Иванова* ~ *Иваново*). Очевидно, однако, что ни родовые парадигмы, ни видовые пары не характеризуют русский род и, соответственно, вид в целом.

Рассмотрим теперь (более сложные) семантико-грамматические особенности категории вида в славянских языках.

Очень важным свойством категории вида (особенно в восточнославянских языках и в польском) является тесная семантическая связь между *перфективностью* и двумя акциональными характеристиками предиката, а именно *предельностью* лексемы и ее *событийностью*, т. е. способностью обозначать представителей акционального класса (моментальных) событий. Но если про связи совершенного вида и предельности писали много практически с самого зарождения славянской аспектологии, то связь между совершенным видом и событийностью долгое время оставалась в тени (ср. на эту тему в особенности [Зализняк, Шмелёв 2000]). Между тем, эта связь является одной из важнейших характеристик славянского перфективного кластера, отличающего его от перфективных показателей в большинстве языков мира.

Дело в том, что глаголы совершенного вида тяготеют не просто к описанию перфективных ситуаций (с точки зрения по-

---

форм; однако в каждом конкретном употреблении у словоформ этих глаголов обязательно выражается граммема вида, при этом в каждом случае только одна из двух. Тем самым, само существование двувидовых глаголов (число которых, например, в современном русском языке достаточно велико) не может рассматриваться как непосредственный аргумент против грамматического характера видовой оппозиции, хотя тенденция к росту таких глаголов (если она имеется), безусловно, может иметь значение для оценки грамматического статуса вида.

зиции окна наблюдения), а таких перфективных ситуаций, которые с акциональной точки зрения являются мгновенными; иными словами, в число значений, образующих, например, русский перфективный кластер, входит в первую очередь пунктив (*вспыхнул*), инцептив (*понял*), комплетив (*открыл*), но присутствие среди них лимитативного значения не столь очевидно: оно является отчетливо более маргинальным. Разумеется, нельзя сказать, что лимитативность в русской аспектуальной системе не может быть грамматически выражена, т. е. что предельные процессы и состояния не могут быть перфективированы, оставаясь внутри своего акционального класса. Однако верно, что перфективация непредельных процессов и особенно состояний сопряжена в русском языке с нетривиальными «грамматическими усилиями», а зачастую действительно невозможна: так называемые *imperfectiva tantum* (типа *зависеть*, *принадлежать* или *весить*) почти все принадлежат к этим акциональным классам. Имеющиеся в русской морфологической системе относительно недавнего происхождения делимитативы (*постоять*) и пердуративы (*простоять*), конечно, не обозначают события и с акциональной точки зрения являются почти всегда процессами, но они, как правило, сочетают лимитативную перфективацию с дополнительными семантическими приращениями и от многих глаголов не образуются. Перфективация же непредельных процессов, как правило, возможна лишь с дополнительным переводом их в предельные, т. е. с более или менее значительным семантическим изменением. «Естественные» лимитативные перфективы типа *отдохнул* (*две недели*) в русском языке единичны. Это противопоставляет русский, в частности, романским и германским языкам, где такие перфективы (при всех различиях между романскими и германскими аспектуальными системами) частотны, находятся в центре аспектуальной системы и где в общем случае жесткой связи между акциональным классом глагола и возможностью его перфективации нет. Так, в русском нет точного грамматического эквивалента для выражающих лимитативную перфективность словоформ типа англ. *walked* или *danced*, исп. *caminó* или *bailó*, и т. п.: их наиболее естественным русским переводом в лимитативных контекстах будет, скорее всего, нечто вроде *шел / танцевал (некоторое время)*, т. е. формы несовершенного вида. В старосла-

вянском языке (и в сохранившем эту особенность современном болгарском) стандартным средством для выражения лимитативной перфективности является, как известно, аорист несовершенного вида: ср., например, такой характерный контекст, как *Дъни же бывъшоу розьства Иродова, **пласа**^{AOR} дъшити Иродигьдина по срѣдъ и оугоди Иродови* (Mar., Мф. 14: 6; в современном болгарском переводе: *А когато настана рожденият ден на Ирода, Иродиадината дъщеря **игра**^{AOR} всред събраните и угоди на Ирода*).

Косвенным доказательством особой зависимости между мгновенностью и перфективностью является и то, что в русском языке именно семельфактивный суффикс *-ну-* оказывается наиболее тесно связан с видовой характеристикой лексемы: семельфактивные глаголы всегда совершенного вида, и никакие другие морфемы не способны «зачеркнуть» этот семантический эффект.

Напротив, говоря о славянских глагольных префиксах, следует, по-видимому, признать, что их грамматическая функция состоит в общем случае не в перфективации, а в превращении ситуации в предельную, т. е. в ее «ограничении»; перфективация является лишь частным эффектом этого преобразования, проявляющимся в некоторых контекстах. Тем самым, славянские префиксы правомернее рассматривать как показатели в общем случае не первичного, а вторичного аспекта (с трансформативной семантикой). В класс показателей перфективности они попадают лишь посредством изменения акциональной характеристики ситуации: предельный процесс может иметь в качестве финала событие достижения предела, и тем самым ему оказывается доступен комплетивный перфектив (вспомним то, что говорилось выше о связи между перфективностью и событийностью).

Заметим, что выражение предельности с помощью пространственных модификаторов глагола — явление, распространенное чрезвычайно широко, и здесь славянские языки входят в очень обширное семейство других языков мира. Особенность их состоит в том, что связь между трансформативностью и перфективацией оказывается гораздо более тесной, чем в большинстве других систем (в том числе и наиболее близких генетически и типологически балтийских, ср. [Аркадьев 2008] и его же статью в настоящем сборнике), где обязательного изменения видовой принадлежности при появлении у глагольной лексемы «ограничителя» не происходит.

Как хорошо известно, важной областью перфективной деривации являются пары глаголов, исходный элемент которых обозначает предельный процесс, а префиксальный элемент — связанное с этим процессом событие, состоящее в достижении финала (типа *гореть* ~ *сгореть* или *будить* ~ *разбудить*). Стронники теории видовой парности обычно включают такие пары (наряду с суффиксальными вторичными имперфективами) в число «чисто видовых пар», полагая, что между этими глаголами имеется только видовое различие, а приставка является «семантически пустой» (такова, в частности, и позиция традиционной русской грамматики). Однако эта точка зрения не учитывает следующих обстоятельств. Во-первых, если приставки семантически пусты, то как объяснить, что разные глаголы при перфективации выбирают разные приставки (ср. примеры выше)? Во-вторых, как объяснить, что одна и та же приставка постоянно оказывается то «семантически пустой», то несущей вполне определенное значение, ср. приставку *с-* в *сгореть* и *срезать* (в отличие от *нарезать* или *перерезать*) или приставку *раз-* в *разбудить* и *разломать* (в отличие от *выломать* или *переломать*), и т. п.? При этом практически любая приставка может быть «чистовидовой» (ср. *пере-* в *перекреститься*, *под-* в *поджарить* или *подмести*, *за-* в *замерзнуть*, *вы-* в *выпить*, и т. п.). Таким образом, более внимательный анализ фактов показывает слабость гипотезы о чистовидовых приставках. Некоторые слависты уже давно предлагали отказаться от этого понятия и считать, что значение у приставки всегда есть (причем ни в каком случае приставка не может быть показателем вида, о чем шла речь выше). Объяснение же наблюдаемым явлениям следует искать в так называемом «классифицирующем эффекте», или «эффekte Вея-Схоневельда», названного так по имени двух исследователей, независимо открывших его в середине XX в.: французского слависта Марка Вея (см. [Vey 1952]) и нидерландского слависта Корнелиса ван Схоневельда (см. [van Schooneveld 1958] и более позднюю работу [van Schooneveld 1978]). Эффект состоит в том, что значение перфективирующей приставки может быть частью значения глагольной основы, и в этом случае при перфективации оно как бы «гасится» основой, а остается заметным только грамматический компонент, связанный с приставкой — прежде всего, предельность. Так, приставка *под-* оказывается «чистовидовой» у тех глаголов, которые и сами по

себе обозначают обработку объекта снизу или внизу (ср. *жарить* ⟨на углях⟩ или *местить* ⟨пол⟩), но не, например, *варить* ⟨в воде⟩ или *вытирать*); приставка *раз-* — у тех глаголов, которые выражают «увеличение активности» (*будить* или *дразнить*, но не, например, *прятать* или *мучить*), приставка *с-* — у тех глаголов, которые выражают «концентрацию» или «соединение частей в целое» (*мастерить*, *клеить*, *делать*), и т. п. Такая ситуация, вообще говоря, означает, что в славянских языках глагольные лексемы разбиваются на относительно небольшое число классов (около полутора десятков), каждый из которых имеет общий семантический компонент, совпадающий с каким-либо значением одной из приставок — глаголы «обработки нижней поверхности», «увеличения активности», «концентрации», и т. п., и в соответствии с этим компонентом выбирает приставку для образования предельных перфективных коррелятов с минимальным лексическим отличием. Подобный механизм свидетельствует о начальном этапе грамматикализации видового противопоставления в славянских языках, пока еще тесно связанного со словообразовательными механизмами и недостаточно унифицированного, хотя определенная тенденция к сокращению числа продуктивных перфективирующих приставок и их семантической генерализации отмечается во всех славянских языках. Словообразовательный характер «славянской модели» вида эксплицитно отмечался Э. Далем [Dahl 1985], подобные явления (имеющиеся и в других языковых ареалах) можно обозначить общим термином «классифицирующая перфективация». Полного описания модели префиксации в соответствии с эффектом Вея-Схоневельда пока не было предложено ни для одного славянского языка (на некоторые трудности такого проекта указывается в [Кронгауз 1998: 79–84]), но это остается привлекательной задачей для славистов и типологов ⁶.

Таким образом, многое в особенностях славянской видовой системы (в первую очередь тесная связь с лексическими классами

---

⁶ Для русского языка такая задача в настоящее время решается в рамках международного проекта «Exploring emptiness» (см. <http://emptyprefixes.uit.no>; ср. также [Janda 2007]). На сайте проекта доступна база данных русских «чистовидовых» приставок; готовится к публикации монография, детально описывающая механизм приставочной перфективации в русском [Endresen et al. in prep.].

глаголов и словообразовательными механизмами) указывает на ее сравнительно недавнюю (в исторических масштабах) грамматикализацию. Действительно, есть основания считать, что классифицирующая перфективация, основанная на использовании ограничителей, возникла в славянских языках относительно поздно, вытеснив более древнюю систему, напоминающую аспектуальные системы других индоевропейских языков (например, древнегреческого или древнеармянского), со словоизменительными противопоставлениями перфекта, имперфекта (= хабитуально-дуративного кластера) и аориста, главным образом относящимися к формам прошедшего времени. Именно такая система функционировала и в старославянском языке. Восточные и западные славянские языки полностью утратили эту оппозицию, южные — частично сохранили, совместив ее с более новой системой словообразовательной перфективации и вторичной имперфективации (на основе старых хабитуальных словообразовательных показателей). При этом аорист продолжал использоваться как лимитативный перфектив (практически отсутствовавший в новой модели), но формы аориста несовершенного вида и особенно имперфекта совершенного вида постепенно маргинализировывались или вовсе выходили из употребления (из всех южнославянских наиболее архаична в этом отношении система болгарского языка⁷).

Для понимания исторических особенностей славянской видовой системы также существенно ее рассмотрение в ареальном и типологическом контексте. Дело в том, что славянские языки оказываются не единственными языками со словообразовательной перфективацией классифицирующего типа на основе глагольных ограничителей. Интересным образом, вокруг славянских языков имеется периферийный ареал, в котором в той или иной степени прослеживаются аналогичные тенденции, не достигшие однако той же степени грамматикализации (на этот факт одним из первых обратил внимание тот же Э. Даль). Таким образом,

---

⁷ В болгарском языке инновации в наибольшей степени коснулись системы перфекта, у которого развились эвиденциальные и таксисные употребления. Кроме того, существенные различия между всеми славянскими языками касаются аспектуального поведения форм будущего времени (сформировавшихся, по-видимому, в каждой ветви славянских языков независимо; ср., в частности, [Fici Giusti 1997]).

можно говорить об общих тенденциях преобразования системы глагольных ограничителей в систему с классифицирующими аспектуальными показателями (событийной) перфективности. Тенденции эти коснулись практически всех языков, располагавших показателями глагольной ориентации. Наиболее близкими к славянским языкам по степени грамматикализованности деривационного вида являются грузинский и особенно осетинский языки. В меньшей степени эта тенденция прослеживается в балтийских языках (при этом в литовском бóльшую роль играет глагольная префиксация, а в латышском — наречные модификаторы глагола, ср. [Wälchli 2001]) и в венгерском. Наконец, в современных германских языках едва ли можно говорить о словообразовательной перфективации, но наличие аспектуально релевантных свойств у глагольных ограничителей и в этих языках несомненно (ср., в частности, [Brinton 1988] об английском). Любопытно, однако, что тенденции к созданию системы с классифицирующей перфективацией на основе превербов были достаточно сильны в готском IV–VI вв. и в поздней латыни примерно того же периода (т. е. буквально накануне почти полной утраты всей системы глагольной префиксации в романских языках; деталям этого процесса посвящена статья В. А. Панова в настоящем сборнике).

За пределами восточноевропейского ареала системы с классифицирующей перфективацией также встречаются — так, похожие модели засвидетельствованы в чадских языках (в частности, как указывал еще Э. Даль, в марги), в языках помо (в частности, в кашайя) и др. «Классифицирующая перфективация» свойственна и многим языкам Юго-Восточной и Южной Азии; в них показателями перфективации являются, как правило, вспомогательные глаголы (ср. понятие «аналитической перфективации», обсуждаемое в [Майсак 2005: 293–345]). Именно с системами такого рода славянские модели перфективации на основе глагольных префиксов обнаруживают наибольшую типологическую близость.

Таким образом, славянский вид как ареальное и типологическое явление демонстрирует целый ряд своеобразных и редких особенностей, как в плане выражения, так и в плане содержания. К ним относятся в первую очередь следующие:

— бинарная оппозиция с имперфективным и перфективным кластерами широкой семантики;

— перфектив «комплетивного» типа, ориентированный на событийность;

— особая система средств выражения предельности в рамках «вторичного аспекта»: деривационные префиксы-ограничители, совмещающие выражение предельности с функцией классификаторов ситуации (в части славянских языков эта система сосуществует с более традиционной тернарной словоизменительной оппозицией *аорист* ~ *имперфект* ~ *перфект* «романского» или «греческого» типа).

Обращает на себя внимание тот факт, что системы с деривационным выражением комплетивности на основе глагольных ограничителей-классификаторов в языках мира присутствуют как на периферии славянского ареала — в осетинском, грузинском, венгерском, балтийских и др. языках, так и в совершенно иных ареалах (Калифорния, Юго-Восточная и Южная Азия, Западная Африка). Тем не менее, такие системы в целом являются достаточно редкими и нуждаются в более детальном изучении.

3. Об этом сборнике

Охарактеризуем теперь более подробно тематику и структуру настоящего сборника.

В отношении охвата языков существенно, что наиболее подробно здесь рассматриваются, так сказать, аспектологически «проблемные» языки и ареалы, т. е. такие, для которых либо еще недавно было неочевидным само существование категории аспекта, либо эта категория мало напоминает тот тип аспекта, который представлен в славянских системах. Как уже говорилось, исследований «неславянского» вида по-прежнему немного (за исключением, может быть, материала нескольких наиболее распространенных европейских языков), и настоящий сборник призван отчасти восполнить этот пробел. Типологически корректная теория вида может опираться только на всю совокупность известных фактов, а языковое разнообразие в этой области оказывается гораздо более значительным, чем это может предположить даже искушенный аспектолог.

Неслучайно поэтому славянские системы в сборнике не рассматриваются вовсе: как относительно хорошо изученные (из недавних работ см. прежде всего монографии [Петрухина 2000] и

[Dickey 2000]). Они присутствуют во многих статьях в качестве своего рода естественного фона для нового материала. Преимущественное же внимание уделяется системам «экзотических» ареалов — Африки, Америки, Дальнего Востока и т. п. Из европейских языков подробно описана система литовского (в котором, как считается, каноническое видовое противопоставление отсутствует), а также греческого (наиболее близкого к славянским в способе трактовки видовых оппозиций, но с рядом весьма существенных отличий) и испанского (имеющего, по-видимому, наиболее развитую и сложную аспектуальную систему из всех романских языков).

Все статьи в сборнике могут быть, с некоторой долей условности, разделены на два класса: исследования, описывающие совокупность видовых противопоставлений определенного языка или группы близких языков — т. е. то, что можно назвать *аспектуальной системой* языка, — и исследования, описывающие какую-то одну *аспектуальную категорию* на материале одного языка или же в типологической перспективе. Соответственно этому тематическому различию, в сборнике выделяются две части: «Аспектуальные системы» и «Аспектуальные категории».

Статьи **первой части**, посвященной аспектуальным системам, сгруппированы в четыре раздела, в соответствии с ареальным принципом. Следует, впрочем, сразу предупредить читателя, что степень содержательного сходства описываемых языков в каждом из этих четырех случаев сильно различается — иногда действительно можно говорить о некотором едином грамматическом пространстве со сходным набором базовых противопоставлений и сходными средствами их выражения, а иногда в один и тот же раздел попадают языки, объединенные, помимо географической близости, лишь чисто отрицательными свойствами — непохожестью на системы других ареалов. В любом случае, проблема ареальной типологии аспектуальных систем интересна и важна, и ее детальное изучение — дело будущего (можно надеяться, что недалекого).

В первом разделе («Восточная и Южная Европа») представлены европейские языки, пожалуй, никогда не бывшие центральным объектом исследований по аспектуальной типологии, однако по многим параметрам сопоставимые с более известными аспектологам восточноевропейскими системами.

Данные *литовского языка* (представленные в обстоятельной и во многих отношениях новаторской статье П. М. Аркадьева) признавались важными для общей и славянской аспектологии начиная уже с первых описаний конца XIX в., однако преимущественно в рамках сравнительно-исторической парадигмы. Считалось, что литовский язык фиксирует то состояние глагольной системы со слабо грамматикализованной категорией вида, которое могло быть свойственно и славянским языкам на ранних этапах их истории. Последующие описания литовского глагола в основном также находились в идеологической зависимости от славянской аспектологической проблематики: сходство со славянскими системами то подчеркивалось (вплоть до утверждений об отсутствии принципиальных различий в отношении аспектуальной семантики), то, напротив, почти полностью отрицалось. Однако независимое типологическое исследование литовской системы, ориентированное на более широкий круг фактов и более общую грамматическую проблематику, по-прежнему остается актуальной задачей. В статье П. М. Аркадьева, как представляется, сделаны существенные шаги в этом направлении. Показано, в частности, что литовский язык безусловно может рассматриваться как язык с грамматикализованным аспектом, но в очень своеобразном варианте. В литовском практически отсутствует грамматикализация «первичного аспекта», но важную роль играют морфологические средства выражения акциональной характеристики глаголов («вторичный аспект») и хорошо представлен целый ряд маргинальных категорий, почти или вовсе не засвидетельствованных в европейском ареале: континуатив, авертив, прекращенный хабитуалис и некоторые другие. Этим литовский язык отличается как от восточно- и западнославянских (где вторичный аспект выражается сходным образом, но первичный аспект грамматикализован в гораздо большей степени, хотя исторически и структурно сохраняет сильную связь с глагольным словообразованием), так и от многих западноевропейских, где первичный аспект находится в центре глагольного словоизменения, а вторичный аспект играет подчиненную роль. Литовский морфологический континуатив и подобные формы практически не имеют типологических параллелей в Европе и, скорее всего, являются относительно недавним результатом внутреннего развития литовской глагольной системы.

Положение *греческого языка* (глагольная система которого анализируется в совместной статье Т. А. Архангельского и В. А. Панова) в типологическом пространстве отчасти сходно с положением литовского: исследователи не раз отмечали особую близость греческой системы к славянским по ряду параметров (например, возможность видового противопоставления в императиве и в будущем времени), подчеркивая в то же время словоизменительный характер видовой оппозиции в греческом, неизменный на протяжении всей его истории. В статье анализируется эта типологическая специфика греческого, причем сопоставляются особенности как древнегреческой, так и новогреческой системы, что может быть весьма полезно для исследований по диахронии аспектуальных систем — это еще одна область аспектуальной типологии, детальная разработка которой только предстоит. Аспектуальных систем, надежные данные о диахроническом развитии которых доступны, не так много, и это делает факты греческого языка, имеющего двухтысячелетнюю письменную историю, особенно ценными.

Наконец, данные об аспектуальной системе *испанского языка* (рассматриваемой в статье Е. В. Горбовой) интересны тем, что испанский известен как один из самых богатых аспектуальными категориями среди романских языков, причем большинство этих категорий являются относительно поздними инновациями. В первую очередь, это перфект и прогрессив, к которым примыкают ряд менее грамматикализованных значений из аспектуальной семантической зоны, выражаемых так наз. «глагольными перифразами» (не все из них рассматриваются в статье подробно). Испанский материал существен и как иллюстрация богатой, но относительно слабо грамматикализованной аспектуальной системы, где широко распространена частичная синонимия аспектуальных показателей, а правила их употребления в значительной степени носят дискурсивный характер. Тем самым, уже данные самого первого раздела сборника наглядно свидетельствуют о том, что даже среди европейских языков имеется достаточное разнообразие систем, обладающих богатым набором аспектуальных показателей и при этом во многих существенных отношениях не тождественных славянским.

Это представление подтверждают и статьи второго раздела, посвященные некоторым языкам Кавказа — к сожалению

нию, далеко не всем, которые могли бы представлять интерес для аспектологии в этом практически неисчерпаемом для типолога ареале. В двух статьях рассматриваются особенности аспектуальных систем дагестанских языков: *аштынского даргинского* (О. И. Беляев) и *агульского* (Т. А. Майсак); статья А. А. Ростовцева-Попеля содержит обзор *грузинского* материала. Безусловно, этот список крайне далек от исчерпывающего и может лишь проиллюстрировать некоторые сложнейшие аспектологические проблемы языков кавказского ареала. Однако уже приведенного материала достаточно, чтобы убедиться в том, что языки Кавказа, принадлежа к языкам с бесспорной аспектуальной доминантой глагольной системы, демонстрируют крайне разнообразные типы выражения аспектуальных категорий. Наибольшее разнообразие, видимо, свойственно нахско-дагестанским языкам (далеко не достаточно изученным в этом отношении); однако аспектуально несколько более бедные абхазо-адыгские и индоевропейские языки Кавказа (в первую очередь, армянский и осетинский) также заслуживают самого пристального внимания.

Даргинская система достаточно типична для данного ареала, она демонстрирует богатство как морфологических возможностей глагола, так и относительно менее грамматикализованных аналитических конструкций с различными типами нефинитных форм и вспомогательных глаголов. Такой тип глагольной системы с сильно грамматикализованным морфологическим аспектом и обширной, но более слабо грамматикализованной грамматической периферией (выражающей не только аспектуальные, но также модальные и дискурсивные значения) встречается в данном ареале повсеместно, а из европейских систем к нему структурно наиболее близка испанская. Дополнительной особенностью дагестанских языков является широко развитая синонимия форм с близкими аспектуальными значениями и тонкими, зачастую с трудом формулируемыми правилами выбора одной из форм внутри узкой семантической зоны. Так, здесь распространены системы с несколькими типами результативных, прогрессивных, хабитуальных показателей. Эту особенность хорошо иллюстрирует не только даргинский, но и *агульский* материал: хотя в статье Т. А. Майсака анализ ограничен конструкциями с причастиями, уже и этот фрагмент глагольной системы наглядно показывает все нетривиальное богатство инвентаря аспектуальных значений,

грамматически выражаемых в агульском. Хорошо видно, что одному полисемичному показателю европейских языков в дагестанских системах, как правило, соответствует несколько различных эквивалентов, выражающих лишь определенную «узкую» разновидность результативной, хабитуальной или какой-то иной семантики. Для описания аспектуальной семантической зоны универсального грамматического набора данные языков такого типа представляют особую ценность.

В ином отношении интересен *грузинский* материал. С одной стороны, грузинский принадлежит к числу немногих языков с относительно хорошо засвидетельствованной длительной письменной историей (около полутора тысяч лет). Исследованию процессов диахронического развития грузинской системы способствуют и данные других современных картвельских языков (в первую очередь, мегрельского и сванского), демонстрирующих различные варианты преобразования той общей более древней системы, основные черты которой можно реконструировать с опорой на древнегрузинские данные. С другой стороны, развитие грузинской аспектуальной системы шло в направлении, во многом сходном с тем, которое представлено в славянских языках, а также в осетинском (и отчасти в литовском, венгерском и нек. др.). Это грамматикализация пространственных префиксов глагола, из показателей вторичного аспекта (предельности) постепенно превращавшихся в показатели первичного аспекта — событийного перфектива, но при этом сохранявших тесную и нетривиальную связь с лексической семантикой глагола. В обзорной статье А. А. Ростовцева-Попеля прослеживаются этапы этой эволюции.

Центральным по объему и степени детальности рассмотренная аспектуальной проблематики можно считать третий раздел сборника, в котором представлен весьма интересный и необычный материал ряда языков Дальнего Востока и Северной Евразии: *нганасанского* (В. Ю. Гусев), *удэгейского* (Е. В. Перехвальская), *чукотского*, *корякского* и *алюторского* (совместная статья О. С. Волкова, М. А. Даниэля, М. Ю. Пупыниной и Д. А. Рыжовой) и *нивхского* (Е. Ю. Груздева; в данной статье, в отличие от других исследований, представленных в настоящем сборнике, рассмотрена в основном акциональная проблематика). Эти исследования хорошо иллюстрируют возможность существования полноценных и сложных систем выражения аспектуальных значений в гла-

голе, основанных на совсем иных принципах, чем системы европейских и кавказских языков.

Так, подробно рассмотренный В. Ю. Гусевым (фактически, впервые в самодистике) материал *нганасанского языка* демонстрирует существование системы, в которой аспект (как и в славянских языках) является не словоизменительной, а словоклассифицирующей категорией, выражающей перфективность событийного типа, но при этом совсем по-иному связанной с категориями времени и актантажной деривации. Тем самым, системы типа нганасанской расширяют наши представления о разнообразии так наз. модели «деривационного вида», показывая, что даже в рамках этой модели славянские языки реализуют не единственно возможный вариант. Существенная для языков данного ареала связь между аспектуальной характеристикой глагольной лексемы и суффиксальными словообразовательными моделями показана также в статье Е. В. Перехвальской об *удэгейском*.

Совсем в другую проблематику погружает читателя пространная статья четырех авторов об особенностях аспектуальных систем *языков чукотско-коряжской группы*, где впервые так подробно рассмотрены все основные представители чукотско-камчатской семьи (исключая ительменский, положение которого в любом случае является маргинальным, в том числе и в отношении грамматических характеристик глагола). Вопрос о категории вида в данных языках уже поднимался в ряде предыдущих исследований, однако исчерпывающего ответа на него до сих пор дано не было. Очевидным образом, наблюдаемые в чукотско-коряжских языках противопоставления могут быть отнесены к видовым только при широкой типологической трактовке этого явления. К типологически существенным чертам чукотско-коряжских систем относится, прежде всего, слабая грамматикализация категории времени (а возможно, и отсутствие грамматического выражения времени как такового), что делает более важной в грамматическом отношении связь вида не с временем (как во многих других системах, в том числе и в европейских), а с модально-дискурсивными значениями. Такое устройство аспектуальных систем напоминает скорее тип, представленный во многих языках Юго-Восточной Азии и Океании, где доминирующими категориями являются аспект и модальность (а не время) и где аспектуальные показатели легко вторгаются в семантическую зону мо-

дальности — выражая, в частности, значения нарушенного ожидания, эпистемической оценки и ряд других, несвойственных европейским аспектуальным граммемам. Далее, важную роль в чукотско-корякских системах играет выражение результативности (возможно, опять-таки, с дополнительным эвиденциально-модальным компонентом, хотя этот вопрос требует дальнейших исследований) — по-видимому, более важную, чем привычное для аспектологов-славистов противопоставление «широкой» перфективности и имперфективности. Напомним, что грамматическое выражение результативности является существенной чертой многих языков данного ареала, причем результативные показатели в ряде случаев обнаруживают необычную для европейских систем полисемию со значениями из дуративно-прогрессивного кластера. Важным вкладом данной статьи в аспектуальную проблематику является и попытка диахронического анализа трех близкородственных систем с демонстрацией основных путей возникновения существующих грамматических противопоставлений, восходящих к гипотетическому общему источнику.

Наконец, последний, четвертый раздел первой части объединяет наиболее «экзотические» для аспектологов глагольные системы отдельных языков Африки и Америки. В разделе представлены статьи, посвященные аспектуальным показателям в *коптском* (С. В. Малышев), в *южных манде* в целом (В. Ф. Выдрин) и, более детально, в одном из представителей этой группы, *дан-бло* (статья А. В. Эрман, посвященная, главным образом, значениям дуративно-прогрессивного кластера), а также в языках *майя* (И. А. Виноградов).

Данные *коптского языка*, являющегося, как известно, последним письменно засвидетельствованным этапом существования афразийского египетского, чрезвычайно интересные с общелингвистической точки зрения, пожалуй, никогда не входили в «джентльменский набор» среднего типолога. Это связано как с трудностями филологического характера, касающимися издания и интерпретации сохранившихся коптских памятников, в основном относящихся к периоду IV–VI вв. н.э. (раннехристианские и гностические сочинения, преимущественно переведенные с греческого и содержащие большое количество греческой лексики), так и с закрытостью египтологической традиции, ориентированной, как и многие традиции такого рода, на собственную, не все-

гда ясную терминологию и, в основном, на проблемы исторической грамматики. Задача «погружения» коптских данных в общетипологический контекст практически никогда не ставилась, и публикуемую статью можно рассматривать как важный шаг в этом направлении. С точки зрения типологии аспектуальных систем, коптский демонстрирует достаточно необычный вариант системы с аспектуальной доминацией — из всех нереляционных глагольных категорий аспект в коптском выражается наиболее многообразно. В частности, заслуживающими внимания чертами коптской системы являются: связь именной инкорпорации с выражением перфективности (в языках мира, как кажется, для конструкций с инкорпорацией более обычно выражение хабитуальности); широкое использование типичного и для многих языков Тропической Африки показателя ретроспективного сдвига (префиксальное *ne-*); совмещение результатива и имперфектива (по «океанийскому» типу), свойственное некоторым глагольным основам, и нек. др. Дополнительная трудность при анализе коптской системы связана с формальными особенностями устройства глагольной синтагмы: как правило, речь идет о клитическом комплексе, включающем единицы с не всегда ясным линейно-синтагматическим статусом и характеризующем активным использованием инкорпорации и других видов корнесложения, а также наличием категорий «местоименного субъекта» и «местоименного объекта» (то, что в англоязычной традиции часто называется *subject/object cross-referencing*). Многие из этих проблем рассмотрены в статье достаточно подробно.

Аспектуальные системы *южных манде* (исследованные в статье В. Ф. Выдрин в основном в рамках сравнительно-исторической проблематики) также демонстрируют ряд типологически интересных свойств — в частности, сочетание редуцированной морфологии (смещенное выражение глагольных граммем в составе субъектных местоименных комплексов, с частым использованием тоновых противопоставлений) и обширной грамматической периферии, включающей многообразные аналитические конструкции различной степени грамматикализованности. В семантическом отношении заслуживает внимание значительная диверсификация значений из имперфективной зоны (в статье А. В. Эрман рассмотрена более подробно на материале одного языка этой подгруппы), отчасти напоминающая ситуацию в дагестанских языках.

Подробный и типологически ориентированный обзор *языков майя*, представленный в статье И. А. Виноградова, также по существу впервые знакомит типологов с особенностями устройства глагольных систем этой центральноамериканской семьи. Языки майя изучены к настоящему времени относительно неплохо (по крайней мере, по сравнению с многими другими языками Центральной и Южной Америки), однако как раз грамматическая семантика глагольных категорий в существующих исследованиях, как правило, оставалась в тени — отчасти из-за традиционного приоритета сравнительно-исторической и формально-синтаксической проблематики (как известно, большой объем литературы посвящен выражению эргативности в языках майя), отчасти в силу нетривиальности и сложности как плана выражения, так и плана содержания этой категории в разных языках майя. В статье убедительно показано, что типологическая специфика выражения аспекта в майя связана прежде всего с тем, что аспект, передаваемый как средствами глагольной морфологии, так и — в основном — аналитическими показателями, оказывается (как и в ряде других неевропейских систем) структурно связан не с временем, а с модальностью. Сходные черты, напомним, из языков, описанных в настоящем сборнике, выделялись в чукотско-корякской группе. Яркой отличительной чертой языков майя является то, что аспект в них сближается прежде всего с категорией ирреалиса и должен рассматриваться в связи с особенностями выражения именно этой категории (преимущественно, ее «реальных» граммем). На наш взгляд, для типологии грамматических систем представляют большой интерес рассуждения автора о так называемой «двухурневой стратегии» оформления грамматических категорий в майя, при которой в глагольной синтагме предусмотрены самостоятельные средства выражения как для некоторой общей «макрокатегории», так и для уточняющей ее категории «второго уровня». Системы с грамматическим выражением ирреалиса устроены в языках мира, как правило, именно таким образом (имеющиеся в системе глагольные категории помечаются как реальные или ирреальные с помощью особого набора показателей, но при этом выражаются и самостоятельно), однако существование аспектуальных систем подобной структуры, как кажется, ранее никогда специально не отмечалось.

Статьи **второй части** сборника несколько отличаются по своей тематике. В них рассматривается не вся совокупность аспек-

туальных показателей данного языка (или группы языков), а более детально исследуется какая-то одна определенная аспектуальная категория или ряд близких категорий, формирующих гомогенную семантическую зону внутри универсального грамматического набора.

В части статей основное внимание автора сосредоточено на мало изученном аспектуальном феномене одного конкретного языка. К этой группе относятся работы В. А. Панова о латинских провербах, Н. В. Сердобольской о показателях глагольной множественности в бесермянском и А. Ю. Урманчевой об имперфективных показателях в эвенкийском.

Материал *латинского языка* рассматривается В. А. Пановым с не вполне традиционных позиций. Исследователи латинской глагольной системы, отмечая в латинском существование обычного словоизменительного перфектива и имперфектива (в прошедшем времени), обычно не касаются роли в этой системе глагольной префиксации (традиционно относимой к словообразованию и изученной в целом крайне скудно). Между тем, в латинском языке всегда существовала тенденция к грамматикализации глагольной префиксации, так сказать, по «славянскому» типу — в направлении от пространственных префиксов, развивающих трансформативные значения вторичного аспекта, к словоклассифицирующему событийному перфективу. Примеры подобных употреблений отмечаются уже у самых ранних авторов, но количество их особенно возрастает в позднелатинский период, предшествующий появлению новых романских языков. Об этом свидетельствует материал ряда памятников IV–V вв., анализ которого содержится в статье. Параллелизм между развитием провербов в поздней латыни и в славянских языках (а также в балтийских, картвельских, осетинском и ряде других) особенно примечателен ввиду того, что при переходе к современному романскому состоянию глагольная префиксация, как известно, повсеместно оказалась полностью разрушена, и дальнейшая грамматикализация средств выражения классифицирующего перфектива стала невозможной. Более того, сам принцип выражения значений глагольной ориентации был в романских языках полностью изменен. Как показано в статье, эти два процесса в истории языка тесно связаны.

В статье Н. В. Сердобольской подробно описана семантика показателей глагольной множественности в *бесермянском удмуртском языке* (в основном, по данным полевых исследований

автора). С типологической точки зрения, глагольная множественность образует самостоятельную семантическую зону, не тождественную аспектуальной, хотя и связанную с ней достаточно тесно (впрочем, в разных языках это происходит по-разному); отношения эти нуждаются в дальнейшем изучении. Для бесермянского, как и для многих других языков, характерна связь показателей глагольной множественности со значениями вторичного аспекта (семельфактива, мультипликатива, итератива), как кажется, укрепляющаяся в ходе диахронической эволюции языка.

Статья А. Ю. Урманчиевой посвящена детальному описанию подсистемы имперфективных показателей в *эвенкийском языке*, известном, как и другие тунгусо-маньчжурские языки, сложностью и богатством глагольных категорий. По проблематике статья отчасти перекликается с вошедшими в первую часть исследованиями О. И. Беляева, Т. А. Майсака и особенно А. В. Эрман, но, в отличие от них, уделяет особое внимание не столько семантическому противопоставлению имперфективных форм в собственно аспектуальной сфере, сколько их использованию для организации нарративного текста (основным материалом исследования являются записи традиционного эвенкийского фольклора), т. е. их дискурсивным функциям, у разных имперфективных форм, как показано в статье, различным. Эта проблематика, очень важная для аспектуальной типологии (напомним, ей был целиком посвящен 4 выпуск данной серии), в других статьях сборника практически не затрагивается.

Две последние статьи второй части имеют более отчетливую типологическую направленность: обе они представляют собой систематическое исследование какой-то одной универсальной категории. В работе Н. М. Стойновой впервые с такой степенью подробности описан глагольный *рефактив* (однократное повторение ситуации, возможно, с рядом определенных модификаций) на основе специально составленной выборки из языков практически всех крупных ареалов. Рефактив является периферийной категорией не только по отношению к аспекту, но и по отношению к глагольной множественности (куда его обычно относят в типологических классификациях). Вместе с тем, как показано в статье на основании анализа полисемии рефактивных показателей в языках мира, разнообразные связи существуют между рефактивом и целым рядом других смежных семантических зон — включая не только (и, может быть, не столько) аспект, сколько, например,

фазовость, модальность и актантную деривацию. Особенно интересны с типологической точки зрения, на наш взгляд, наблюдения автора о связи между показателями рефактива и континуатива, засвидетельствованной в целом ряде разных языковых ареалов.

В статье А. Б. Шлуинского также анализируется глагольная категория, практически не бывшая до сих пор предметом детального типологического исследования: это так называемый *фактатив* (термин принадлежит африканисту У. Велмерзу), впервые описанный на материале языков Тропической Африки, но, как показано в работе, распространенный и далеко за ее пределами. По существу, фактатив является одной из разновидностей аспектуального кластера, показатели которого совмещают выражение перфективности и имперфективности, распределенное в зависимости от акциональных характеристик глагола. В статье рассматриваются и некоторые другие варианты определения фактативного кластера, а также близкие к фактативу грамматические явления. Данная работа является важным вкладом в типологию аспектуальных категорий, еще раз демонстрируя разнообразие структуры универсальной семантической зоны аспекта и несводимость ее к нескольким привычным моделям кластеризации. Интересно, что некоторые явления, описанные в статьях первой части сборника в других терминах, могут быть во многом отождествлены именно с фактативным кластером; для самодийских языков такая возможность отмечается автором эксплицитно (но ср., однако, материал в статье В. Ю. Гусева); по существу, близкие свойства обнаруживают тунгусо-маньчжурские языки и целый ряд других.

Таким образом, представленные в сборнике статьи охватывают большой и разнообразный материал и, как можно надеяться, способствуют лучшему пониманию типологического многообразия универсальной категории аспекта.

Заметим в заключение, что наиболее сложные случаи описания аспектуальных категорий связаны, что совершенно естественно, с синонимией и полисемией глагольных грамматических показателей в языках мира. Синонимия близких по значению показателей часто создает эффект «сверхдифференциации» внутри сравнительно гомогенной семантической зоны, когда распределение показателей основано либо на несемантических факторах, либо связано с тонкими и трудно выделемыми семантическими и дискурсивными различиями. Примеры подобного рода можно

обнаружить в описании таких систем, как, например, испанская, даргинская, агульская, дан-бло, эвенкийская. С другой стороны, полисемия аспектуальных показателей связана с возникновением грамматических кластеров, описание инвентаря которых — важнейшая и до конца не решенная задача аспектуальной типологии. До сих пор актуальная возможность «открытия» новых аспектуальных кластеров в языках мира (наподобие фактативного) это наглядно подтверждает.

В некотором смысле на пересечении обоих явлений находится важная структурная проблема описания глагольных систем, которую можно определить, в первом приближении, как *расхождение между формальным устройством и семантической организацией* глагольной парадигмы. Это расхождение возникает, когда формально однородные значения (прежде всего, речь идет о таких значениях, показатели которых находятся в парадигматических отношениях) с семантической точки зрения не обнаруживают такой же близости, относясь, например, к разным семантическим зонам: временной и модальной, аспектуальной и таксисной, и т. п. Если говорить о языках, представленных в сборнике, то подобного рода расхождения составляют, как можно полагать, одну из главных проблем описания чукотско-корякских глагольных систем; заметно их влияние и в системе агульского языка, а также ряда других. Расхождения между формальной и семантической структурой возникают, как правило, в ходе диахронической эволюции, когда скорость семантических изменений сильно опережает скорость изменений системы формального выражения грамматических значений: «новые» значения попадают в другие грамматические кластеры, вытесняя «старые» значения, но одновременно продолжая участвовать в формальных оппозициях, свойственных именно старым грамматическим значениям. Так, показатель гипотетической модальности, развившийся из показателя будущего времени, может по-прежнему противопоставляться показателям настоящего и прошедшего времени, хотя семантических оснований входить в категорию времени у него, по существу, уже нет. Многообразие таких случаев еще раз подтверждает важность диахронического описания аспектуальных систем и необходимость построения «диахронической аспектологии» — раздела аспектологии, для создания которого особую роль будут играть наблюдения над языками с хорошо документи-

рованной длительной историей, такими, в частности, как рассмотренные в настоящем сборнике латинский, греческий, грузинский и коптский, и не рассмотренные в нем армянский, индоарийские, иранские и немногие другие языки.

Литература

- Аркадьев 2008 — П. М. Аркадьев. Уроки литовского языка для славянской аспектологии // Славянское языкознание. XIV международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008. С. 28–43.
- Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Долинина 1996 — И. Б. Долинина. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности») // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб: Наука, 1996. С. 219–245.
- Зализняк, Шмелёв 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелёв. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки славянских культур, 2000.
- Князев 2002 — Ю. П. Князев. Пассивный перфект в русском языке // А. В. Бондарко (ред.). Основные проблемы русской аспектологии. СПб.: Наука, 2002. С. 80–98.
- Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Кронгауз 1998 — М. А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Том II (Часть вторая: Морфологические значения). М.; Вена: Языки русской культуры, Wiener Slavistischer Almanach, 1998.
- Мельчук 2000 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. III (Часть третья: Морфологические средства; Часть четвертая: Морфологические синтактики). М.: Языки русской культуры, 2000.
- Петрухина 2000 — Е. В. Петрухина. 2000. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: МГУ, 2000.
- Плуноян 2000 — В. А. Плуноян. Общая морфология: введение в проблематику. М.: УРСС, 2000 (2 изд. 2003, 3 изд., испр. и доп. 2009).
- Плуноян 2001 — В. А. Плуноян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плуноян (ред.). Исследования по теории грамматики, вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.

- Плунгян 2011a — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.
- Плунгян 2011b — В. А. Плунгян. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // *Scando-Slavica*, 57.2, 2011. P. 290–310.
- Пожарицкая 1991 — С. К. Пожарицкая. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Ю. С. Азарх (ред.). *Современные русские говоры*. М.: Наука, 1991. С. 84–94.
- Храковский 1989 — В. С. Храковский. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // В. С. Храковский (ред.). *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.
- Храковский 1998 — В. С. Храковский. Типология семельфактива // М. Ю. Черткова (ред.). *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 485–489.
- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // *Вопросы языкознания*, 2006. № 1. С. 46–75.
- Brinton 1988 — L. J. Brinton. *The development of English aspectual system*. Cambridge: Cambridge U. Press, 1988.
- Bybee, Dahl 1989 — J. L. Bybee, Ö. Dahl. 1989. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language* 13, 1989. P. 51–103.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976 (rev. ed. 1981).
- Cohen 1989 — D. Cohen. *L'aspect verbal*. Paris: Presses Universitaires de France, 1989.
- Coseriu 1976 — E. Coseriu. *Das romanische Verbalsystem / Hrsg. und bearb. von H. Bertsch*. Tübingen: Narr, 1976.
- Coseriu 1980 — E. Coseriu. Aspect verbal ou aspects verbaux? // J. David, R. Martin (eds.). *La notion d'aspect*. Paris: Klincksieck, 1980. P. 13–26.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. 1985. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dickey 2000 — S. M. Dickey. *Parameters of Slavic aspect: A cognitive approach*. Stanford: CSLI publications, 2000.
- Dik 1989 — S. C. Dik. *The theory of functional grammar. Part I: The structure of the clause*. Dordrecht: Foris, 1989.
- Dik 1994 — S. C. Dik. *Verbal semantics in functional grammar* // C. Bache et al. (eds.). *Tense, aspect and action: empirical and theoretical contributions to language typology*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 23–42.
- Endresen et al. in prep. — A. Endresen, L. Janda, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. *Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers*. Bloomington (IN): *Slavica*. In preparation.

- Fici Giusti 1995 — F. Fici Giusti. The perfect in Slavic // P. M. Bertinetto et al. (eds.). Temporal reference, aspect and actionality. Vol. 2: Typological perspectives. Torino: Rosenberg & Sellier, 1995. P. 221–237.
- Fici Giusti 1997 — F. Fici Giusti. The future tense in Slavic: the limits of grammaticalization // U. Junghanns, G. Zybatow (Hrsg.). Formale Slavistik. Frankfurt am Main: Vervuert, 1997. S. 275–284.
- Friedrich 1974 — P. Friedrich. On aspect theory and Homeric aspect. (IJAL, Mem. 28. 1974.)
- Graves 2000 — N. Graves. 2000. Macedonian — a language with three perfects? // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 479–494.
- Hasko, Perelmutter 2010 — V. Hasko, R. Perelmutter (eds.). New approaches to Slavic verbs of motion. Amsterdam: Benjamins, 2010.
- Janda 2007 — L. Janda. Aspectual clusters of Russian verbs // Studies in Language, 31.3, 2007. P. 607–648.
- Johanson 2000 — L. Johanson. 2000. Viewpoint operators in European languages // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 27–187.
- Klein 1994 — W. Klein. Time in language. London: Routledge, 1994.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung, 59.4, 2006. P. 317–349.
- Smith 1991 — C. Smith. The parameter of aspect. Dordrecht: Kluwer, 1991. (2nd ed. 1997).
- Tournadre 2004 — N. Tournadre. Typologie des aspects verbaux et intégration à une théorie du TAM // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 99.1, 2004. P. 7–68.
- van Schooneveld 1958 — C. H. van Schooneveld. The so-called ‘préverbes vides’ and neutralization // Dutch contributions to the Fourth international congress of slavists. s³-Gravenhage: Mouton, 1958. P. 159–161.
- van Schooneveld 1978 — C. H. van Schooneveld. Semantic transmutations: Prolegomena to a calculus of meaning. Vol. 1: The cardinal semantic structure of prepositions, cases, and paratactic conjunctions in contemporary standard Russian. Bloomington: Phylax, 1978.
- Vey 1952 — M. Vey. Les préverbes ‘vides’ en tchèqu moderne // Revue des études slaves, 29, 1952. P. 82–107.
- Wälchli 2001 — B. Wälchli. Lexical evidence for the parallel development of the Latvian and Livonian verb particles // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). Circum-Baltic languages: typology and contact. Vol. 2: Grammar and typology. Amsterdam: Benjamins, 2001. P. 413–441.

Часть I

**АСПЕКТУАЛЬНЫЕ
СИСТЕМЫ**

